

Елена Чубенко

*Унеси
Мои грехи*

2.0-25964

Елена Чубенко

*Унеси
Мои грехи*

Чита 2022

К84 + 84(2=411.2)6-44

Ч-81

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44
Ч-81

Ч-81 **Унеси мои грехи. Е.И. Чубенко.** Проза. – Чита : ООО «Читинская городская типография» 2022. – 324 с.

ISBN 978-5-906307-61-3

Книга издана по инициативе Благотворительного фонда содействия издательской деятельности в Забайкальском крае «Одарина».

Председатель фонда – **Владимир Кибирев.**

Председатель Попечительского совета – **Виктор Шкулёв.**

Редактор книги – **Владимир Кибирев.**

Оформление обложки – член Союза художников России –
Владимир Будожанов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-906307-61-3

ЭК

Ч.О. 25964

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ
КРАЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А.С. Пушкина

© Чубенко Е.И., 2022 г.

© ООО «Читинская городская типография», 2022 г.

Маме, Галине Петровне Капустиной,
посвящаю эту книгу.

ПРАВДИВАЯ КНИГА ЕЛЕНА ЧУБЕНКО

В рабоче-крестьянской державе высоко ценились деятели, и особо писатели, вышедшие из народа; и заслуженно, ибо народные выходцы ведали о радостях и горестях простолюдыя не понаслышке. Эдаким писателям, разумеется, талантливым, стелилась ковровая дорога в отечественную словесность. И всё Богом отпущенное народу по совести и попущенное по грехам, выпало истинно народным писателям: свет и сумрак души, радости и горести, и всё воплотилось в сочинениях, словно списанных с уст народных.

Случалось, иные народные выходцы столь далеко от народа убредали в мир творческой богемы, что и забывали, как пахнут пропотевшие крестьянские рубища. Прозаик Елена Чубенко не вышла из народа, а, явившись на белый свет и взросши в крестьянском мире, в народе и осталась – и светлой русской душой, и народным словом. Да и живёт в забайкальском селе Улёты...

В давнишнем очерке я толковал о деревенской прозе, а ныне повторю избранные мысли... В шестидесятые годы в русскую словесность вошли певцы крестьянского мира, словно певчие в храм искусств. Вначале по-деревенски робко и стеснительно ...лапотники же, деревенские катанки... а в семидесятые, восьмидесятые во всю отчаянно-печальную удасть явилась в русском искусстве деревенская проза – суть, русская простонародная: Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин и примыкающая к прославленным деревенщикам добрая дюжина писателей, чьи избранные сочинения, порой, не уступали и произведениям выше помянутых писателей.

Сокрушив рабоче-крестьянскую державу, властители-растлители дум плетью окаянства и безродства вышибали из русских русское; и вроде от русской народности в искусстве осели на доньшке лишь жалкие ошметки. Даже изошрились в похоронных услугах: если на мрачном перевале веков травили русских писателей, всесветно славленных рабоче-крестьянской властью, то после многая лета возопили. Ведали, лукавцы, отмерян век орденосных деревенчиков, а традиционным русским писателям, в нуже и стуже бредущим вослед, дорогу перероят, и тогда уж хриstopродавцам вольная воля, оседлают российскую словесность, обратив её из русской в русскоязычную.

На печальном перевале веков, вроде, почилa в Боге русская традиционная литература; уволочили супостаты на погост, упокоили под кликушеские вопли-плачи, и крест дубовый водрузили, но вдруг дивом дивным, чудом чудным, словно берёзы посреди чёрной гари, являлись и являются с мудрым и ярким народным словом русские писатели из поколений, идущих вослед Белову и Распутину. И среди них и моя забайкальская землячка из села Улёты.

Проза Елена Чубенко и духом, и словом – в добрых традициях деревенской прозы, знаменитой помянутыми и не помянутыми, славными именами. Проза, порой дивящая чудными образами, а порой и чаще – без кружевных затей, по-шукишински пронзительно проста, ибо где просто, там ангелов до ста, а где сложно, там бесов до ста. Елена Чубенко пишет не столь умом изошрённым, сколь сердцем, сострадательно и восхитительно любящим ближних, а без сей любви нет любви ко Всевышнему. Иоанн Богослов поучал: «Возлюбленные! будем любить друг друга, [ибо] Бог есть любовь и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем». (1-е Иоанна 4:7, 16).

Герои Елены Чубенко – не болтуны и артисты, не политики и мироеды, изрядно надоевшие телезрителям, а простые сель-

ские труженики – доярки, скотницы, трактористы, шофёры. А простой в русском простолюдье – большая хвала ближнему: мол, душевный, недугавый, бесхитростный. Простых любили, простым доверяли, коли простота не та, что хуже воровства...

Вобрав традиции деревенской литературы, повести и рассказы осветились православной святостью, а посему проза Елены Чубенко – суть, христианский реализм. Христианский мотив полнозвучно звучит и без церковной риторики в избранных рассказах: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» – кара Господня за святотатство с хлебом; «Апостол Пётр ... Филиппыч» – простой сельский шофёр, безунывный, бекорыстно помогающий ближним, с коими сводит судьба; «Царские врата» – Славка, некогда пил, жену колотил, но, отсидев срок, долго каялся, строил церковь в селе и в душе, и, как евангельский блудный сын «был мёртв и ожил, пропал и нашёлся». (Евангелие от Луки 15:24); «Унеси мои грехи» – деревенский самосуд над бывшим карателем из НКВД и покаяние карателя; «Вовка-травник», как и Слава из рассказа «Царские врата», – бывший лагерный сиделец, пришёл к покаянию и очищению от скверны; повесть «Синие горы» – православный мотив при описании сельского юродивого, по пророческому духу созвучного Василию Блаженному и Ксении Петербургской.

У всякого серьёзного писателя при любом даровании есть заглавное сочинение, как, скажем, «Прощание с Матёрой» у Распутина, «Привычное дело» у Белова; у Елены Чубенко – повесть «Поцелованные солнцем», где оживает военная и послевоенная деревня.

В рассказах и повестях Елены Чубенко песнь песней семье – малой церкви, где небесно возвышенная любовь супругов до глубокой старости, до гробовой доски – любовь, подобная любви святых благоверных князей Петра и Февронии Муромских, покровителей семьи и брака. («Косуля моя, Лизонька», «Я ждал тебя, Мотя» и другие произведения).

В семейной «малой церкви» царит и взаимная любовь между родителями и детьми, между дедушками, бабушками и внучатами. (Повесть «Синие горы», рассказы «Да Бог с ним, с пальтом!», «Стёпка нашёлся» «Слышишь меня, дочка?» и прочие произведения.)

Среди героев нынешней книги Елены Чубенко изрядно сельских стариков и старух, запечатлённых с любовным знанием их печалей и радостей. И сей поклонной любовью рассказы созвучны прозе Валентина Распутина о деревенских старухах. Умиляли меня при чтении рассказы, где описаны нежные отношения бабушки с внучкой («Отчайвали», «На море-окияне»).

Книга Елены Чубенко правдива в прямом смысле, ибо герои – хорошо знакомые прозаику сельские жители, и события не вымышлены, а доподлинно известные ей случаи сельской жизни.

Воспевающая высокие нравственные, духовные начала в душах героев, проза Елены Чубенко откровенно учительна, назидательна, что является истинным назначением искусства.

Анатолий Байборodin,
*писатель, лауреат Национальной литературной
премии им. В.Г. Распутина.
08.03.2022*

КУКУШКА, КУКУШКА, СКОЛЬКО МНЕ ЖИТЬ?

Нина Васильевна, заведующая почтовым отделением, уже неделю не могла найти себе места. Ещё бы! Единственный сын женится, жить бы да радоваться. Ан нет! Будущая сватья категорически против того, чтобы свадьбу играли в доме жениха, а на второй день, как полагается, у невесты. Заладила с первого дня, как о решённом: оба дня свадьбу празднуем в доме невесты, то есть у неё, сватьи. А сын после подачи заявления в ЗАГС уже и жить туда, к сватам, перешёл, будто все эти 25 лет в родном доме ему в тягость были.

И получается, что родители жениха и их дом вроде как седьмая вода на киселе, только мешают.

– Присвоили парнишку. Поди, можно и вовсе не соваться на свадьбу? – горестно вопрошала сама себя Васильевна ночами. Злилась, нагнала себе высокое давление, не спала. Муж, Николай, судя по его виду, вроде и не огорчился:

– Их дело. Как придумали, так и пусть делают. Не лезь ты к ним, ради Бога.

И телячья его безропотность просто выводила из себя Васильевну. Будь он посерьёзней, ударил бы кулаком по столу, и поставил бы все точки над конфликтом. Нет, как овца на закланье помалкивает. И от этого было ещё горше и обидней.

– Колька, но ты чо-нибудь можешь сказать сроду раз по-мужицки? Неужели тебе всё равно?

– Не всё равно. Но чо беситься-то из-за всякой мелочи.

– Мелочь? – синенькая жилка на её шее предательски дрогнула и затрепетала, слезы готовы были вот-вот пролиться на старенькое домашнее платье. – Будто мы пустое место! Тогда

вообще пусть не женится на ней, раз там такие командиры в семье.

– Но ишо чудней. Иди чо-нибудь делай, да сама себя не накручивай, – миролюбиво вставил Николай и бочком-бочком выскользнул из раскалившейся от нервов кухни в сени, оттуда в ограду.

Солнце утопило двор в своих лучах. Казалось, день был рождён исключительно для того, чтобы радовать всё вокруг: куры самозабвенно купались в земле у поленницы, растопорщив крылья и по самые подмышки набив их мягким илом. Шарик, развесив осоловелые уши, лениво наблюдал за курами, иногда приподымая одно ухо для порядка, когда птицы очень уж начинали галдеть. Неожиданный апрельский снег давно растаял, и трава нынче лезла из земли, как на дрожжах – первые кучерявые кустики крапивы у самого забора, юная перламутровая лебеда, вездесущий пырей среди поленьев и штакетин, и на солнцепёках. Хоть и боролись с травой всё лето, но первая, весенняя, она радовала глаз и мила была изголодавшемуся по зелени человеку и животине. Кошак, и тот обрадованно жевал побеги пырея, неведомо кем наученный подлечиться от земли-матушки.

Слыша за спиной непрекращающиеся стенания супруги по поводу сватъи, «форменной Салтычихи», Николай неторопливо пошёл за баню. Вроде для заделья, попутно взял в руки лом, для обмана бдительности жены. За баней благополучно приземлил лом у угла. Достал из-под лавки болотники, мигом поменял домашние калоши на любимую обувь. Прихватил лежащую на вышке удочку и споро пошагал по тропинке за огород. Кладка через заплот жалобно всхлипнула от его шагов, а он, перемахнув через изгородь, неспешно подался к реке, что была в ста метрах от огорода. Выросший на ее берегах, он считал её если не членом своей семьи, то уж частью самого себя точно. Присев на старый тополь, принесённый сюда прошлогодним половодьем,

раскатал голяшки болотников и блаженно жмурясь, уселся поосновательнее. Снял кепчонку, подставил лицо солнечным лучам и подумал, что похож сейчас, наверное, на своего Шарика, блаженно распротёртого у собачьей будки.

– Ле-по-та! Настоящая благодать! – доложил он речушке своё состояние. Он восторгался вслух привычной и такой каждый год новой картиной нарждения лета из крошечного кокона весны. Одурающе пахли тополя, спешившие расщелкать свои набухшие смолистые почки, ветки вербы на противоположном берегу речушки были полны гомоном, будто там, вдали от человеческих глаз, открылся какой-то птичий базар, где торговали буквально всем – первыми жуками и мошкой, солнечным светом, свежим, гуляющим напропалую с каждой веткой речным ветерком.

Вспомнилось вдруг, как в такой же май давным-давно познакомился он с Ниной, только приехавшей в деревню. Познакомились-то смешно: возвращалась она с работы к дому, а дождь к обеду налил в переулке полную лужу, от края до края. Он шёл навстречу. Нина, в туфельках, на местную лужу не рассчитанных, остановилась в недоумении. А он, не задумываясь, подошел, взял её на руки, как ребенка и молча перенёс через лужу, звучно хлопая своими сапожищами по грязи. Потом, не оглядываясь и не дослушав её «спасибо», ушёл. Помнится, поразился её махонькому росточку. Местные-то девки крепкие, запросто не подынешь, да и свалиться недолго. А эту пичужку поднял и не понял: весу, что в баранушке.

Потом уж, познакомившись толком, часто гуляли с нею по берегу реки, вслушиваясь и перекатные разговоры струй, и птичьи переполохи. Юркими молниями чертили воду береговушки, вспархивая из норок в обрыве берега. Но больше всего нравилось Нине слушать кукушек за речкой. Перекликались они с одного края острова до другого, наперебой хвастались, кто больше накукует годков. И Нина часто просила: «Перенеси меня за

протоку. Хочу рядышком постоять, послушать». Нёс её Николай туда бережно, как в первый раз в переулке. А она встанет под тополем, бывало, замрёт и спросит: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» И как дитё малое, считает, что они ей десятками годочки сулят.

Радовались они своему крошечному домишку, когда впервые переступили его порог. Украшала его Нина, как могла, занавесками с выбивкой, и казалось, что милее их уголка не было. Потом родился сын, Сашка. Всю душу в него Нина вложила, потому как Бог больше не дал ребятишек, двоих потом не смогла выносить, скидывала. Потому дороже Сашки и не было никого на свете, видели в нём своё продолжение. Наверное, и сломалось что-то в ней с того момента, как поняла, что он будет спешить не домой, а в чужую избу.

Раскрутив леску с удилица, Николай насадил на крючок кусочек хлебного мякиша. Собственно, рассчитывать на улов смысла не было – надо было на восходе подаваться, или на вечерней зорьке. Но выслушивать дома от жены бесконечные варианты разговора с несгибаемой будущей родственницей не хотелось.

Досадливо поморщившись от нахлынувших мыслей о предстоящей свадьбе, пошёл Николай по берегу, с удовольствием втягивая ноздрями живительный воздух.

– А я в ответ на твой обман

Найду ишшо кудрявее,

А наш роман и не роман,

А так, одно заглавие... – потихоньку затянул он полюбившуюся ему песню из какого-то недавнего кино.

Сколько не бросай попусту леску в воду, а домой идти надо. Выходной и так прошёл почти бесцельно. До темноты по берегу не побродишь, хоть и очень хотелось. Да и время вечерней уборки уже подошло. Вздыхнув, пошёл Николай к своему огороду. Привычным путём вернулся к бане, и провёл обратный ритуал:

поменял болотники на калоши, уложил удочку на её законное место и двинулся в сторону дома.

Супруга, к его удивлению, притихла. Видимо, отсутствие зрителя в его лице позволило закончиться концерту.

– Плитку погляди, что-то совсем как неживая, – буркнула жена. – Второй час мясо варю.

Безропотно взяв в руки старенькую плитку, Николай сел на табурет и с удовольствием поковырялся в её чреве. Хоть что, лишь бы не возвращаться к навязшей в зубах теме свадьбы.

– Отжила, однако, плитка, мать. Либо выбросить, либо конфорку новую искать.

Помыл руки, и присел к столу. Налил стакан чая, взял кусок калача и, щедро намазывая его сметаной, отправил в рот.

Супруга даже не присела. Стоя у печи, незряче глядела куда-то мимо его, и всё повторяла обречённо на разные лады: – А мы вроде как никто, и звать нас никак...

Николаю стало не по себе. Жена переживает, а он тут как будто с голоду умирал. Встал, аккуратно стряхнул крошки со стола в ладонь, запил их чаем и пошёл к двери.

– Убирайся там сейчас в стайках, а я одёжу поглажу, поедем же завтра. На поклон, – язвительно завела снова жена, глядя в стремительно удалявшуюся его спину.

Ночью брызнул тихий дождик. И утро следующего дня было таким возмутительно ярким и безмятежным, с голубым свежестиранным небом, что меньше всего хотелось куда-то ехать и спорить или ругаться. Николай с тоской поглядел на угол бани, за которым притаилось его рыбацкое счастье. Но после обыденного ритуала дворовых забот выгнал за ворота ярко-оранжевую «Ниву». Зашёл домой, переоделся в чистое и уже вместе с женой вышли.

– Мы зайдём в дом, а ты им сразу и скажи, – начала Нина. – Мол, мы подумали, и всё-таки считаем, что надо первый день у нас. Я так, мол, решил.

Николай, коротко взглянув на жену, улыбнулся, представив себе эту картину.

– И чо ты лыбишься? Смешно? А из дома нас выставят, тоже смешно будет?

– Нинка, мы никуда ишо не приехали, ты уж скандал затеваешь. Остынь.

В дом сватов вошли напряжённые, будто лом проглотили. Не успели войти – сват, Пётр Алексеевич, волочит на веранду длинную широкую скамью.

– О, Николай, хватайся за тот конец. Упрел, паря, с лавкой. Мамина ещё, полсемьи садились за столешницу.

Николай с облегчением схватился за торец скамьи, пропустив в дом супругу. После того, как тяжеленная лавка благополучно была поставлена под стенку веранды, будущие сваты присели на неё.

– Посидим, Никола, да покурим тут. Щас там мою не переслушаешь, – тоскливо сказал сват, и полез в карман клетчатой рубахи за измятой пачкой «Севера».

Николай обрадованно устроился рядом, и даже машинально потянулся за папирсой, но вовремя опомнился. Бросил ведь курево лет десять назад, как Нина стала задыхаться от запаха дыма.

– Моя тоже не подарок, Алексеич. На всяк пожарный не мешало бы даже поменять дислокацию, в рукопашной сойдутся, дак как бы нам не прилетело.

– Думашь, долетит?

– У моёй не заржавеет. Если не сама, дак черти помогут, – пошутил Николай, хоть на душе было тягостно.

– Хоть бы к детям не лезли, – о своём тоже подумал и высказал Алексеич.

– А чо твоя запотеела у вас гулять всю свадьбу? Не по-людски как-то? – поинтересовался Николай.

– Мол, у дочки тут подруг куча, у нас друзья. А дом большой супротив вашего, у нас ведь четыре комнаты. И, мол, у вас родни всего шесть человек, а у нас под тридцать соберётся. Не хочет вам обузой быть.

Вспомнил Николай свой домишко, который состоял из кухни и зала. Спальные места делились попросту: на диване в зале спал сын, а они с Ниной в кухне. Да и то после армии сын больше ночевал в тепляке, тоже больше похожим на курятник. Кивнул согласно головой. Что тесно, то тесно.

– А с парнем-то нашим ладит твоя?

– Душа в душу, вроде, пока, – как-то неуверенно ответил сват. – Да моя-то что, лишь у них с дочкой ладно всё было. Мы и домик тут им присмотрели, от колхоза.

– Я тоже своей говорю, что лишь бы сами жили. Какая разница, у кого бу...

Именно в этот момент из дверей веранды выскочила Нина Васильевна. Несмотря на интеллигентнейшее платье из тёмно-синего крепа с белым кружевным воротничком, вела она себя как деревенская продавщица Галя, когда очередь ломилась в закрытые ещё двери:

– Колька! Заводи машину! Куда там, шипко культурные! Разве можно нам, со свиным рылом, в калашный ряд! – и, матюкнувшись, стремительно пролетела к воротам.

Алексей встал, горестно проводил глазами сватью, и подал пятерню для прощания:

– Высокие стороны не пришли к согласью... Так хрен и выпьешь за одним столом, сват...

– Да уж. Но ладно. До встречи. Пойду свою успокаивать.

– А я свою.

С тем и разошлись грустные сваты.

В салоне машины только что не искрило от повисшего напряжения. Метров сто жена ещё терпела, только пыхла оскорблённо, но потом завелась:

– Ты хоть понимаешь, что тебя как дурака, на эту лавочку выманили? Выманили, чтобы ты не мешал, как дерьмо под сапогами? Штоб они подошли там все!

– Ладно, успокойся. Грех так людям желать, – как можно спокойнее сказал Николай, стараясь не заорать. Всё-таки за рулём, и дороги ещё километров пятнадцать.

– От святой какой человек! Ох, и святой! – пропела издевательски жена. – Но я не молчала! Я ей всё высказала, чо про их думаю! А с тобой ишо дома поговорим! А Сашка-то? Я ведь думала, что скажет им, мол, не могу маму с батькой обидеть. А он, гляди-ка, точно телок на верёвочке – что приказали, то и делает. Но длинным ему век покажется при такой теще! Ох, длинным... И небо с овчинку... – Нина, выплеснув всю горечь, скорбно замолчала.

До дома доехали в предгрозовой тишине. Николай сосредоточенно держал руль своими огромными ручищами, а жена, искоса взглянув на огромную пятерню, подумала вдруг, что если бы он разозлился на неё, то от удара этой ладонью она, наверное, даже не упала бы, а улетела далеко вперёд. Потому что росточком своим она едва доходила ему до подмышки.

Усевшись на стул возле порога, Нина сбросила туфли, которые порядком надавили ей ноги, поменяла платье на легкий домашний халат, и, подойдя к чайнику, включила его.

– Чо делать-то? А? Что ты молчишь? Как с этой свадьбой быть? Ни в какую она, заладила – у нас будем гулять и всё.

– Но у них же изба бравая, большая. Да и пусть у них. Мы свой вклад внесём, вина купим, мяса привезём, чо там ещё полагается? Платье невесте, кольца? – попытался смирить жену с ситуацией Николай. – Зал у нас крошечный, даже если кровать вынесем, там два стола всего и вместится. Может оно и лучше будет, если всё-таки у них?

– Ни-ког-да! Тогда свадьбы не будет!

– Ну што ты удумала? Вы, две дурочки, ладу дать не можете, а дети окажутся виноватые! Голову тебе проверить надо, – психанул и Николай.

Нина, взявшая кирпич хлеба, чтобы нарезать его в тарелку, окончательно выйдя из себя, вдруг запустила в него хлебом:

– Трус!

– Хлеб-то! Хлеб при чём? Бога побойся! – даже задохнулся Николай. Вспомнилось, как берегли с дедом каждый кусочек послевоенного хлеба: – Дура, тебя б дед за это так вожжами отхлестал, на всю жизнь бы запомнила, – нагнулся, поднял хлеб, бережно обмахнув рукой, положил на стол.

Жена обессилено рухнула на стул и заревела. Потом ушла в зал, легла на кровать и утихла.

Выкатив за ворота старенький «Урал», Николай поехал к конторе. Заделье было: нужно было договориться о времени поездки на участок утром следующего дня. Да и насчёт мяса к свадьбе переговорить там же с кладовщиком и начальником участка.

Вернулся через часок. За разговорами с мужиками, шутками о предстоящей свадьбе обзабылся о семейных распрях, и, распахнувши ворота, въехал на середину двора с привычной улыбкой.

Заглушив мотоцикл, подался в дом, и вдруг услышал плачущие всхлипывания жены. Она сидела на высоком пороге дома. Закутав руку, как ребенка, прижала ее к груди и баюкая, причитала:

– Чо делаетца-то? Чо делаетца...

– Што случилось? Обварилась? А? – бросился к ней Николай.

– Я, вроде, руку сломала, Колькаааа, – ещё горше заревела она.

Перепугавшись, Николай присел возле неё, аккуратно распеленал руку. Так и есть: неестественный изгиб и отёк руки ниже локтя не оставляли сомнений: рука сломана.

– Как же тебя, Нин, угораздило? – расстроился он. Жалко её было, дурёху. Сама себя довела с этой свадьбой до беспамятства.

– Как, как... На ровном месте запнулась на кухне, Бог твой меня, видать, наказал.

– Чо он мой-то? – оба они знали, что бабкина икона висела в доме больше для порядка, как положено.

– Да об половичок возле стола зацепилась тапком, и улетела через табуретку, вон, туда, куда хлеб-то улетел. Реву сейчас и думаю, неужто, Бог сразу и наказание придумал? А? – она с таким испугом посмотрела на мужа, что у того душа зашлась:

– Да не придумывай ты, дурочка моя. Просто ты на нервах. Не заметила этот половик, будь он неладен, – осердившись, схватил половичок, открыл двери и швырком выбросил его через сени прямо в ограду.

– Все мысли у тебя об этой свадьбе, вот и проглядела. Собери мало-мальско манатки. Поедем в больницу. Можя, загипсуют и отпустят, а может, и положут. Или покажи, где чо достать, я сам соберу, – спохватился он.

Через полчаса уже ехали в больницу. Жена стонала, когда машину трясло, и Николай старался ехать как можно спокойнее. Как он и предполагал, в больнице одним посещением не обошлось. После рентгеновского снимка и осмотра хирургом Нину положили в стационар. Он помог разместиться, занес сумку с вещами, и неловко помогал ей прилечь и укрыться.

– Чо теперь со свадьбой-то? – всхлипнула она, морщась от боли.

– «Чо-чо!» Стряпать будешь с одной рукой, да столы накрывать, – прервал он. – Далась тебе эта свадьба.

Через недельку Нину выписали домой с уродливым гипсом, захватывающим и плечо, и локоть, и полторса. Не понравилась она Николаю. Странная какая-то стала. Глаза бегают, смотрит подозрительно на всех.

Ещё в машине вдруг стала расспрашивать, что о них говорят люди.

– Кто мы такие, чтобы о нас говорить? – удивился он.

Добравшись до дома, занёс вещи, усадил Нину за стол, в надежде, что попив чаю с родного колодца, очутившись в своих стенах, станет она прежней. Пусть даже и ворчливой, – он привык. Только бы не было этих странных глаз, которыми она вглядывалась в него, в окна, в зеркало у порога. Но Нину не отпускало.

Она долго подозрительно всматривалась в хлеб на столе, потом отодвинула его в сторону, и заговорщицки прошептала:

– Ножик возьми и порежь сам. Мне нельзя.

– Понятно дело, неловко одной рукой. Я не сообразил, – схватился он за нож и хлеб.

– Неее, ты не понял, – опустила она голову и заплакала. – Это из-за того хлеба...

– Нина! Не пугай меня! У тебя просто сломана рука! Что с тобой? – всполошился он, жалея, что не посоветовался с врачами сразу, в больнице. Видел ведь её глаза, незнакомые, будто внутрь себя смотрела. Может, какие лекарства от нервов бы дали.

Нина замолчала, утихла. А потом порывисто как ребёнок ещё раз всхлипнула.

– Брякнул не подумавши, не городи лишнего. Мнительная ты стала с этой свадьбой, честное слово! Выпей чайку и приляг отдохни. Хорошо? А я пойду корову подою, задержался сегодня, куда ездил с тобой.

Пока жена лежала в больнице, доить пришлось, конечно, ему. Большого ума не надо, с детства матери помогал, да и тут порой приходилось, когда Нине некогда было. Взяв с вешалки старый халат, вышел на веранду. Прихватив подойник, пошёл в стайку, где уже требовательно подавала голос Чайка. Укрыл колени старым халатом, сел под корову. Первая струйка молока звонко по-птичьи цвиркнула о дно ведра, и потом начала перекликаться с другой, как будто две невидимых в темноте пригона птицы переговаривались негромко и умиротворённо. Вздыхала о чём-то корова, ~~оглядываясь на Николая~~. А потом стала вредничать уже

в конце дойки, тревожно переступала с места на место, пришлось задержаться. Накидал сена в ясли. Зашёл на веранду, процедил молоко, сполоснул марлю и вывесил её на веревочку у крыльца. Войдя домой, тихонько заглянул в зал и обомлел. Резанула по глазам перекинута через головку кровати веревка, и неловко сидящая на полу Нина, уже набросившая петлю на шею.

На непослушных ногах бросился к ней Николай, трясущимися руками вызволил голову из петли, прижал к себе.

– Што ты удумала, глупенькая ты моя! Што ты, Нина! Ты забыла про кукушку? Разве столько она тебе куковала, – горячечно шептал он, отползая с женой подальше от злополучной веревки. Нина безвольно висела на его сильных руках, с бледным лицом, в котором не было, казалось, ни кровинки:

– Не хочю жить, не хочю, – едва слышно прошептала она

– Как ты так решила одна за всех? За себя? За меня? А я хочю без тебя жить? – приподняв отчего-то вдруг отяжелевшую жену, Николай сел с нею на кровать, и не спуская с рук, стал баюкать её, как маленького ребёнка. – Всё наладится, всё. Ты только представь: у Сашки родится девочка. И она будет похожа на тебя, такая же крошечка, как ты. Будет топать тут по дому своими ножками в перевязочках, а мы к ней будем тянуть руки – я и ты. Дед и бабушка. Как ты можешь бросить это всё? Скажи, скажи, что сделать, чтобы ты успокоилась? А? Родненькая моя, – уже со слезами продолжал он шептать над женой свои мольбы.

– Боюсь я теперь. Свози меня в церковь, а, Коля? – неожиданно попросила она.

– Свозю, свозю. Прямо сейчас поедем, – обрадовано схватился за идею Николай, сроду и лба не перекрестивший. Он даже не представлял, где он будет искать в городе церковь, и кто их там будет ждать уже под вечер.

Накинув лёгкий плащик на плечи Нины, поддерживая её за талию, вышел вместе с нею в ограду и, боясь даже на секунду

оставлять её одну, усадил в машину. Раскрыл ворота, вспомнил о замке, закрыл избу.

Дорога до города заняла почти три часа. Всю дорогу он пытался о чём-то говорить и как-то расшевелить присмирившую жену. Она молчала, а иногда откидывалась назад, безвольно закрывая глаза. По великому счастью, двери храма были открыты. Николай, так же поддерживая жену, подошёл к свечной лавке:

– Нам бы батюшку. Дело такое, безотлагательное, – умоляя, произнёс он. Прихожанка тепло улыбнулась:

– Удачно успели. Он только вернулся из поездки и пока не ушёл. Сейчас я его позову.

Спустя несколько минут пришёл и священник. Николай, усадил супругу на скамеечку, потому что она была совершенно обессилена, ноги подгибались. Подошёл к батюшке, и чуть отойдя внутрь помещения храма, коротко рассказал о своей беде. Тот внимательно выслушал, кивал головой, потом встревоженно спросил:

– Крещёная?

– В детстве бабушки крестили в деревне.

– И слава Богу. Хотя бы так. Идите, посидите на скамеечке, а мы с нею побеседуем.

Разговор с Ниной был долгим. Издали доносился приглушённый её плач. Николай хотел было подойти к ним, но женщина из свечной лавки мягко его остановила:

– Это без вас. Не мешайте, пусть исповедуется. У нас золотой батюшка. Он обязательно поможет.

Чуть позже Николай увидел, как Нина опустилась на колени перед крестом и Библией в правой части храма, а батюшка укрыл её голову частью своей одежды.

И, странное дело, на душе у Николая стало спокойно. Даже руки, которые в последнее время часто подрагивали, успокоились. Он подождал ещё, пока к нему подошли и Нина, и священник:

– Всё у вас будет хорошо, Слава Богу. Вовремя вы успели, – ободряюще кивнул он головой Николаю. А тот, поглядев в глаза жены, поразился вдруг: исчезло из них безучастное, потерянное выражение. Они стали ясными, живыми. И он готов был поклясться, что в них плескалось какое-то умиротворение и радость.

Нина крепко обняла его:

– Поедем домой, Коля. Прости меня, дурочку... Спасибо, батюшка – и в пояс поклонилась священнику. А тот привычным жестом благословил обоих, обдав напоследок запахам ладана от одежд.

В машине по дороге домой Нина сидела тихо. Поглядев на напряжённо ещё сидящего Николая, сказала: – А ведь и верно, – лишь бы любили друг друга. Какая разница, в чьём доме будет свадьба, правда, Коль? – повернула к нему залитое светом встречной машины лицо.

– Верно, Нина, верно, родная моя, – и, придерживая руль левой рукой, ласково погладил её ладонь, невидимую в темноте.

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ДОЧКА

Олька как-то не задумывалась, почему у неё такие старенькие мама и папа. Есть родители и ладно. У половины класса отцов вообще нет – с войны не вернулись. А у неё есть.

И вот однажды, когда она училась уже в седьмом классе, в дом неожиданно привели гостя – высокого статного мужчину, наряженного красиво, по-городскому.

Хозяйка, увидев гостя, поперхнулась и даже не нашлась, что сказать.

– Ну, здравствуйте, Лидия Ивановна, Николай Григорьевич. Здравствуйте! Наконец-то я до вас добрался.

– Доча, иди, поиграй пока, – отправила Ольку на улицу Лидия Ивановна.

– Зачем же? Разве я для этого ехал? – возразил мужчина и снял длинное тёмно-синее пальто, а потом внимательно поглядел на Олю. И ей показалось ей, что в глазах у него вдруг блеснули слёзы. Хотя, с какой стати плакать чужому дядьке при взгляде на деревенскую девчонку?

Отец хмуро уселся на маленький стульчик возле плиты и всё порывался закурить. Так и не закурив, настороженно исподлобья поглядывал на гостя, разминая в узловатых пальцах папиросу.

Мать обессиленно уселась на табуретку, махнула рукой дочке, мол, оставайся. А потом, приблизившись к ней, сказала вдруг обречённо:

– Вот, Оля, папка твой.

– Как... папка? А тятка тогда кто? – Олька остолбенела, потом с недоумением посмотрела на мать, на пришлого незнакомца, на сидящего за печью отца.

– А мы тебе твои родные дедушка с бабушкой. Вот так, доча. Спасибо, Александр, что вспомнил про дочку, – с непонятым вызовом высказала Лидия Ивановна.

Николай Григорьевич вышел, напоследок хмуро бросив:

– Чайник хоть поставь, с дороги же человек. Пойду баню растапливать.

Олька всё равно не могла взять в толк, о чём вообще разговор. А Лидия Ивановна сидела у стола безучастно, с потемневшим лицом, но видно было, что она едва сдерживается, чтобы не расплакаться. Олька тоже уселась на диван, и, сдвинув светлые брови к переносице, строго сказала пришельцу:

– Рассказывайте.

Мужчина сел рядом с Олькой на диванчик и стал говорить, поглядывая на Лидию Ивановну:

– Мы с Анечкой, мамой твоей, познакомились в войну. Служили тут рядом, в авиаполку. Она была связисткой, а я механик. Познакомился и с её родителями, – он поднял глаза на Лидию Ивановну. – А в конце войны наш полк переводили в Казахстан, и 9 Мая пришёл приказ о передислокации. Но Анне нужно было уже рожать. Она вернулась сюда, к родителям. А я вместе с полком передислоцировался в Казахстан. Даже не попрощался с родителями Ани.

9 Мая 1945 года ты и родилась. – Олька, с широко раскрытыми глазами, согласно кивнула. – Но мама твоя умерла в родах. Об этом мне Анина подружка из вашего же посёлка написала. И что тебя забрали дедушка Коля и бабушка Лида. А мы ещё несколько лет мотались по аэродромам, восстанавливали взлётные полосы, поднимали авиацию после войны. У меня даже не было своего дома, – как будто извиняясь, произнёс он.

– А мы с Николаем тебя и растили, как дочку, – завершила его рассказ Лидия Ивановна. Налив в чашки чай, расставив угощение, она пригласила за стол гостя и Ольку. – Поговорите. А я пойду пока коров подою, телята орут.

Олька наскоро выпила чашку чая, не притронувшись к еде. Чувствовалось, что и мужчине тоже не до еды: он с волнением вглядывался в Олино лицо, порывался ещё что-то сказать, но молчал. Потом снова сел на диванчик, взял в руки чемодан. С заминкой произнёс:

– Иди сюда,.. доча.

Олька снова присела рядом, чуть отстранившись от него. Мужчина раскрыл чемодан и достал оттуда газетный сверток. Развернул его подрагивающими руками, достал несколько фотографий. На каждой из них была изображена девушка лет двадцати. И совсем не нужно было каких-то долгих рассказов или признаний, чтобы понять, что там, на этих снимках ещё жила её мать: смеялась у двери какого-то помещения, обнималась с невысокой подружкой, примеряла пилотку. Она была почти полной копией Ольки: такие же светлые брови, удивлённо вскинутые вверх, волнистые волосы, ровный прямой нос, крупный улыбчивый рот и ямочка на левой щеке, как у Ольки. На фотографиях она выглядела постарше своей дочки.

Рядом с нею на двух карточках был парень, в котором легко узнавался сегодняшний гость. Оля, разглядывая фотографии, трогала пальцем материнское лицо, губы, глаза, поглаживала ладонью изображение материнской фигурки. Не хотела показывать свои чувства при чужом ей человеке, но не сдержалась и, безутешно, по-детски, заплакала.

Отец обнял её и какое-то время молча сидел, придерживая в объятиях и не давая ей разрыдаться.

– Ты прости, меня, девочка моя, что так поздно приехал за тобой. Ты тут всем была обеспечена, а у меня ни кола, ни двора, только работа. Родительский дом под Киевом немцы разбомбили, погибли мои все. Женился я только в сорок девятом, в Белоруссии. Своих детей нет. Сына и дочку жены подняли на ноги, и решили с нею забрать тебя. Дать хорошее образование, выучить. Я обязан это сделать в память о твоей маме.

Оля молчала, утирая слёзы, которые никак ей не подчинялись. Отец снова распахнул свой чемоданчик:

– Совсем забыл, гостинцы ж тебе вёз. Смотри! – и из нового газетного свертка достал и встряхнул в руках школьную форму. Олька в восхищении не могла произнести ни слова. Настоящую форму она видела только в городе, куда ездила на смотр художественной самодеятельности. В их классе в посёлке такой формы ни у кого не было. К мягкой шерстяной ткани полагался и чёрный фартучек, и белый атласный воротничок.

– Это мне? Правда? – у Ольки перехватило дыхание, и опять выступили слёзы. В школу она донашивала вещички старшей сестры, давно уже выросшей. Стоп! Получается, Нюрка ей не сестра. А... тётя. Вот уж новости, так новости свалились сегодня на Олькину головушку. И Толя, и Алексей ей выходит, не братья, а дяди. Потому-то у них уже свои дети, а она всего-то в седьмом классе. Как много сегодня становилось понятным. Правда, известие о возможном отъезде в далёкую Белоруссию пока ещё не вместились в маленьком Олькином сердечке. Она не могла представить такое даже в самых смелых мечтах.

Весь остаток дня Олька и её новый отец, точнее, настоящий отец, не расставались. Она расспрашивала его о своей матери, о её привычках, характере, даже о любимых песнях.

Лидия Ивановна, как нарочно, старалась не попадаться на глаза, придумывая себе всё новые и новые дела по хозяйству. А отец, вернее, дедушка, топил баню. Олька никак не могла привыкнуть к тому, что у неё сегодня вдруг появились и мама, и папа, и дедушка, и бабушка. К вечеру в баню сходили вначале Николай Григорьевич, потом – Александр.

– Но теперь мы, доча, – позвала её Лидия Ивановна. И Олька, послушно взяв полотенца, пошла следом. Ей хотелось поговорить с матерью, посоветоваться относительно отъезда. В том, что семья отпустит её с отцом, она и не сомневалась.

Тяжка хоть и строгий, но поймёт. И, усадив мать рядышком на широкой скамье в предбаннике, Олька сказала:

– Ты не думай ничего, мам. Для меня ты всю жизнь будешь мамой, потому что вырастила, – сразу заявила она матери, оставшись наедине в полутьме предбанника. – Даже если я уеду с отцом, я никогда не забуду, что ты для меня сделала. Почему только вы мне ничего о ней не рассказали?

– Ты решай сама, доча. Ты уже взрослая почти, – вздохнула Лидия Ивановна. – Ты точно хочешь всё знать? – почему-то переспросила она. И, глядя на уставившуюся на неё Ольку, начала говорить:

– Тогда слушай. Николая на фронт не призвали – на шахте тогда работал, бронь от шахты была. Аня сама пошла в военкомат, после учёбы её направили почти домой – в N-ский гарнизон связисткой. Вместе с нею служила и её подружка, Верка, из нашего же посёлка. В авиаполку дочка и познакомилась с Сашей. Ему иногда давали машину, «виллис» и они приезжали в посёлок. Привезут, бывало, продуктов, тушёнки. Здорово нам Аннушка помогала, поддерживала меня с ребятами. А отцу, то есть деду твоему Николаю, зять не понравился с первого взгляда. Заладил: «Хохол он! Поматросит, да и бросит». Она потом уж старалась без Сашки приезжать, чтобы отца не злить. Хотя, по мне, парень да парень, как все. – Лидия Ивановна надолго замолчала, пока Оля не коснулась её руки. Та, вздрогнув, продолжила:

– И вот Победа пришла! У конторы по радио объявили про конец войны. Вой по селу, и слёзы, и песни, и пляски. Кто плачет, – через дом похоронки были, кто радуется, что теперь живые домой вернуться, что война эта проклятушая кончилась. И подъезжает к нам этот «виллис» с полка. Мы с батькой из ворот, навстречу. Выходит Аннушка, одна, идёт к воротам. И сразу видно, что беременная, никуда уж не спрячешь живот, – Лидия Ивановна снова замолчала, незряче глядя в пыльный угол предбанника с бившейся под потолком паутиной.

– Голову гордо держит. Он, батька-то, увидел, и как сдурел. Бегом в ворота, мы следом. А он уж с вожжами навстречу летит, как давай её охаживать, – Лидия всхлипнула, заново переживая ту историю. – По лицу, по животу, по спине. Я повисла на руках у него, кричу: «Не трогай, не зашиби ребёнка!». А в него как бес вселился, ополоумел. Меня как мотанёт в сторону, я под поленицу улетела. Сбил её с ног, она вниз животом упала и ни звука. А он её по спине вожжами...

Лидия надолго замолчала. Молчала и Олька, зажав ладошкой кривящийся в крике рот, только слёзы катились, поблёскивали в темноте.

– Потом? – хрипло напомнила о себе девчонка.

– Слышу, как резанул крик Аннушкин. Я уж тут из последних сил на коленках к нему, схватила за ноги, кричу: «Запрягай, Христа ради, везти надо, рожает!»! Он как отрезвел. Бегом коня в телегу запряг, шубы накидал, положил её и поехали. Я её фартуком вытираю, лицо в крови. Добрались до Захаровской амбулатории, а Аннушка стихла, только иногда застонет, тронет меня рукой, шепчет: «Спаси ребёнка». Довезли, Колька на руках её в амбулаторию занёс. А там парнишка-студент. Добрые-то врачи ещё с фронтов не вернулись. Давай он с нею возиться. Мы сидим, ни живые ни мёртвые. Колька весь белый, и я, того гляди, на пол упаду. А от Аннушки ни звука. Потом ты закричала. Маленько погодя парень вышел. Говорит, что ребёнок будет жить, а мать не смог спасти, кровотечение сильное.

Так вот и стала я твоей мамкой. А он отцом. Тяжело было, мне уж 44 года было. Но выходили: старшие ребяташки помогали, коровушка выручила.

– Где мама... похоронена? – неживым, тихим голосом спросила Олька.

– В деревне, рядом с бабушкой.

– Почему ты никогда мне не говорила об э... том – Ольку прорвало рыданиями. После ревели обе, уткнувшись друг

в дружку. Голосила, как в тот страшный день Лидия, и тихо пощеничь подвывала Олька.

Жаром исходили закопчённые стены бани, но Ольгу трясло от открывшейся горькой правды.

– Если б не ты, не жила бы я с того дня. Глядеть на него не могла. Да и сейчас не могу его простить, хоть и каялась перед иконами. Тяжело это – всю жизнь в себе этакую тяжесть носить – непощения. Ты рядышком – вот и живу, грех его перед дочкой искупаю, что не уберегла её. Пусть смотрит сверху, что всё у тебя ладно. А я через тебя заново прорастаю, вот и смысл мой весь.

Помолчав, баба Лида притянула к себе застывшую в оцепенении Ольку:

– Решай, как тебе быть. Поедешь, неволить не стану. Родная кровь, отец. Раздевайся, да мыться пойдем.

В полной тишине мылись Лидия и Олька. И показалось заплаканной бабе Лиде, что в белых березовых волнах распаренного веника плавает, как ангел, дочка её, Аннушка, та, довоенная, с необстриженными ещё косами. Все кровинки подсобрала, и лицом и фигурой вышла Оля в мать.

Уже перед самым уже выходом спросила Ольга:

– Мам, но почему он так, а? Родная ведь дочка.

– Кто его знает. Неместный же он, не забайкальский. Это мы тут всех приветим, пригреем, простим. А он родом с Иркутска. Колчаковцы набрали в отряд всех, кого поймали. Он с ними в теплушках добрался до Омска, там стояли два месяца. Убёг, да не в Иркутск, на родину, а в Забайкалье, чтобы снова не загребли, ни красные, ни белые. Стал у нас тут работать на шахте. На хорошем счету, награды вон за уголёк. Колчака я ему в сердцах иногда всё ж припоминаю. Сначала-то думаю – уйду, брошу его, а куда одна тогда? Кто кормить нас будет? Жить где? А потом свыклось. Старшие пристроены, в городе, а ты у меня как свет в окошке, доченька-поскрёбушек.

Наутро Ольга собралась в школу. Мать ходила по кухне тихонько, будто тень какая. Не поднимая глаз, напоила чаем Александра и Ольку. Та, наскоро выпив стакан чая, остановила отца, который, надев награды, собрался идти с нею по документы и легко объявила:

– Не ходи, отец. Не поеду я отсюда. Тяжело маме будет. Одну дочку она потеряла, да вторую. Не смогу я её оставить.

Понял всё и Александр. Даже не стал уговаривать. Обнял, отвёл в сторону:

– Спасибо, что назвала отцом. Боялся этого не услышать. Я понимаю тебя. Но ты знай, что я у тебя есть, всегда жду. Поедешь куда учиться, – помогать буду. А может, потом как раз и учиться к нам приедешь? У нас и на врача, и на учителя можно выучиться. Слышишь меня, дочка?

– Остаёшься? И правильно, – выдохнул Николай Григорьевич. – Как мы тут без тебя, – резко шагнул за печь, присев, закурил и судорожно выдохнул дым в приоткрытую топку. И от дымка ли, от жара ли заслезились глаза старика...

Апостол Пётр...Филиппыч

От придумали! От придумали! Об чём бы не говорили, всё про эту корону! – Филиппыч сердито сплюнул, и, бросив пульт в угол диванчика, пошёл на кухню, к жене.

– Ворону? Опять прилетела? – супруга, давно слегка глуховатая, что-то увлечённо намешивала в тазике, наверное, опять гоношила тесто.

– Сама ты ворона, Господи, прости...– беззлобно буркнул Филиппыч. Со своей Ниной Георгиевной душа в душу прожил уже почти шестьдесят годков. И сам не Аллен Делон, и её менять на «годом посвежее», уже и резона не было. А если серьёзно, считай, все шестьдесят и ждала его из рейсов. Если знала, что вернётся поздно, не спала, пока свет его фар не мазанёт своей яркой кистью по окошкам избы. Покуда ворота раскрывает, да машину в ограду загоняет, она уж и чайник сгоношит. Чудом откуда-то горячее спроворит, на стол ставит. Волшебница, да и только Нинуха его родненькая. К нему всю жизнь уважительно: «Петро» да «Батька», как ребятишки звали. Ребятишки уж сами давно батьки, живут отдельно, а они с Георгиевной теперь сами себе, радуют друг дружку.

Ворона-то, к слову, была у них знакомая. Считай, каждый день прилетит в огород, кругами ходит вокруг собачьей миски. Потом ковыляет в край огорода. Старый пёс Верный, возмущенный покушением на его корм, идёт за вороной потихоньку. Потом, не утерпев, как пацан, мчитя и гонит воровку до края огорода. Ворона, неожиданно легко взлетев, возвращается по воздуху к чашке и уворовывает что-то оттуда, пока уставший Верный плетётся обратно, свесив набок язык.

– Дак чо ворона-то? – старушка домесила тесто и уже сноровисто лепила какие-то лепёшки, раскладывая их любовно на металлическом листике, затейливо шлёпнув в серединку каждой ложку голубицы.

– Корона, говорю. Всё про эту болезнь в телевизоре-то. Голова кругом! Бывало, концерт какой, кубанский хор, к примеру, или картину какую дельную покажут. Я б щас «Дальнобойщиков» ещё раз поглядел.

– Вот ты на дальнобой-то не насмотрелся на работе... Неужто всё ишо охота? – жалеючи, как на ребёнка несмышлёного, смотрит на него Нина. – Дома чистенько, валенки тёплые, мёрзнуть нужды нету. Што вот тебя куда-то тянет-то?

– Молчи ты. «Тёёпленько». Чо бы понимала? Там только в гараж зайдёшь, такой дух родной. А уж если в кабину сел, да дорогу увидел, дак петь охота. Конечно, поездил бы ишо, да начальству видней. Видимо, опасаются, чтобы «кондратий» по дороге не схватил, – невесело улыбнулся Филиппыч.

Нина Георгиевна понимающе кивнула головой. У Филиппыча уже второй десяток лет стоит кардиостимулятор. Рейсы свои давно откатал с лихвой, после пенсии ещё две пятилетки проездил. Частник сильно не спрашивает паспорт, лишь бы все водительские категории были. У молодых пижонов по нынешним временам новая тачка, да не первая, а категория водительская одна, да и то порой «левая», купленная. И зовёт их старик чаще «водятлы». Звание «шофер» заслужить надо. Вот и с ним не спешили расставаться, тянули, уголёк в колхоз возил.

Руки у Филиппыча, как пиджак с орденскими колодками у ветерана, всё выдают. Чёрные руки у него. Сколько уж лет, как на отдыхе, а въевшийся мазут не отошёл у ногтей. Да и разбитые пальцы никуда не спрячешь. Две почерневших пятерни, каждая из которых спокойно закрывает кепочку-восьмиклинку – подтверждение пролетарско-водительского прошлого.

Это была демоверсия книги - Чубенко, Елена Ивановна. Унеси мои грехи

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34